

РОССИЯ В  
МЕМУАРАХ



Новое  
Литературное  
Обозрение



Н.Е. Врангель

# Воспоминания

От крепостного права  
до большевиков

Новое  
Литературное  
Обозрение

Москва, 2024

УДК 94(47)«1861/1917»Врангель Н.Е.  
ББК 63.3(2)5Врангель Н.Е.  
В81

Серия выходит под редакцией  
*А. И. Рейтблата*

**Врангель, Н. Е.**

В81 Воспоминания: От крепостного права до большевиков / Вступ. статья, коммент. и подгот. текста Аллы Зейде. — 2-е изд. — М.: Новое литературное обозрение, 2024. — 512 с. (Серия «Россия в мемуарах»)

**ISBN 978-5-4448-2203-6**

Мемуары Николая Егоровича Врангеля (1847–1923), отца историка искусства Н. Н. Врангеля и главнокомандующего вооруженными силами Юга России П. Н. Врангеля не потеряли актуальности: известный предприниматель своего времени, знаток искусства и коллекционер живописи, автор драматических сочинений, он описывает, как государство во второй половине XIX — начале XX века всячески сковывало инициативу своих подданных, душило их начинания инструкциями и бюрократической опекой. Перед читателями проходят различные сферы русской жизни: столицы и провинция, императорский двор и крестьянство... Ярко охарактеризованы известные исторические деятели, с которыми довелось встречаться Н. Е. Врангелю: М. А. Бакунин, М. Д. Скобелев, С. Ю. Витте, Александр III и другие. Первое издание книги было выпущено «Новым литературным обозрением» в 2003 году и стало библиографической редкостью.

УДК 94(47)«1861/1917»Врангель Н. Е.  
ББК 63.3(2)5Врангель Н. Е..

На обложке:

Литография «Царь Александр II зачитывает Манифест об освобождении крепостных в 1861 году», XIX в.

Фотография «Революционный дни, баррикады на Литейном проспекте».

1917 г. Библиотека Конгресса США.

Фотография Н. Е. Врангеля. 1890-е гг.

© А. Зейде вступ. статья, комментарии и подготовка текста, 2003

© Ю. Васильков, дизайн обложки, 2024

© ООО «Новое литературное обозрение», 2003; 2024

## СОДЕРЖАНИЕ

В поисках «Воспоминаний» барона Врангеля. <i>Вступительная статья</i> <i>Аллы Зейде</i> .....	5
Предисловие .....	19
<b>Глава 1. 1847—1864.</b> Мой отец. — О крепостном праве. — «Незабвенный». — Рыцарь. — Царь и маленький мальчик. — Моя мать. — «Береги...» — Наша семья. — Большие и маленькие. — Мой дом. — Когда «большие» танцуют. — Миша. — Первый хмель. — В гостях у «деда». — Балаганы. — Гостиный двор. — «Шикарные у тебя сапожки». — В деревню на лето. — На даче. — Вожаки медведей. — Рекруты. — Большие и маленькие расходятся во взглядах. — Программа жизни. — Начало занятий. — Дежурства. — Моя единственная отрада. — Меня начинают воспитывать. — Петушиные бои. — Разлука с Зайкой. — Музыкальная интонация. — Один. — Отец и сын. — Возвращение в жизнь. — Значительная перемена. — «Прощай!» — В другой мир .....	20
<b>Глава 2. 1864—1870.</b> Школьная любовь. — Бледная красавица. — Полина Меттерних. — «Новые русские». — Данилов и Андреев. — «Сам Бакунин». — Опять на родине. — К новым веяниям. — «Освобожденные крестьяне». — Калина. — Начало возрождения или канун гибели? — Взгляд на историю. — В Берлине. — Типы. — Русские в Берлинском университете. — Знаменитые немцы. — Сумасшедший изобретатель. — Докторская диссертация. — Скобелев. — «Как мне стать полезным моему отечеству». — Чиновник особых поручений. — Деловая поездка. — Руководитель государственного театра. — Проверка сумасшедшего дома. — «Убийцу надо быстро обнаружить». — В Литву. — Цыганская жизнь в Вильно. — Янкелевна. — Мой друг Дохтуров. — Неполученный Георгиевский крест. — «Недобрая судьба». — Командировка с целью русификации. — «Православный» кучер. — «Честь не владеть поместьем здесь». — Деятельность Потапова. — Разочарование. — По пути отцов. — «Важное» дело. — Смерть отца. — Как много старого потеряно. — Новая молодежь. — Поповский Ванюшка. — Раздел наследства. — В Конном полку. — На	

учении. — На гауптвахте. — Бычья сила Александра III. — «Воспитание» великого князя. — О еде. — Бывшие офицеры-сослуживцы. — Судьба великого князя. — Волосы дыбом встают. — Дипломатия ..... 76

**Глава 3. 1870—1878.** Ничего неделание. — Древности. — Торговцы живописью. — «Ван Гойен». — Знаток живописи. — Как стать знатоком искусства. — Героический труд Александра II. — Начало реакции. — «Патриарх дикой жизни». — Бери выше. — Последняя карта. — Некоторым везет. — Несчастный Миша. — Писательская деятельность. — В маскарде. — Вера. — В ярме. — Соседи. — Жена Потифара. — Размежевание. — Государственный деятель. — Жизнь на Юге России. — Болезнь. — Мировой судья. — Кагалы. — Конокрады. — Конокрадка. — «Ты человек правильный». — Маленький Ицек. — Черта оседлости. — Что может случиться, когда человек не совсем проснулся. — На пороге Турецкой войны. — Начинается война. — В качестве поставщика армии. — Специалист по питию. — Плесень. — Конец истории ..... 161

**Глава 4. 1878—1895.** Оживление на Юге. — Ростов-на-Дону. — Ростовские власти. — Будущий министр. — Новые поселенцы. — Казачья земля. — Религиозные преследования. — Страсть к опеке. — Русское общество пароходства и торговли. — В Петербурге плохо работали. — Александр III. — Финский судебный заседатель и русский Царь. — Как Александр III понимал автократию. — Накануне гибели. — В городском совете. — «Вредные слухи». — «Незрелый» городской голова. — Несколько слов о погромах. — Нефтяная промышленность. — Судьба. — Дети. — Летние развлечения. — Черт и косцы. — На охоте. — Пророчество ..... 235

**Глава 5. 1895—1905.** «Эпоха пользы». — Витте. — Ротштейн и финансовые круги. — Золотоискатели. — Голицын. — Русская политика на Кавказе и в Азии. — Русификация и бессилие самодержавия. — Бобриков. — Поездка в Баку. — Великий предприниматель. — Случайные люди. — Японская война и Куропаткин. — Война начинается в чрезвычайно тяжелых обстоятельствах. — Тост за будущую победу. — «У него абсолютно нет воли». — Волнения внутри страны. — Комитеты. — Поп Гапон. — «Кровавое воскресенье». — «Долой самодержавие!» ..... 273

**Глава 6. 1905—1917.** «Утешительно». — Деревня восстает. — Решительная княгиня. — Усмирение. — Всеобщая забастовка. — Две ре-

волюции. — «Свобода-с». — «Руки вверх». — Дума. — Русский народ. — Затишье после бури и продолжение распада. — Царь. — Столыпин. — Франция в начале войны. — Атака у Каушена. — Россия в начале Первой мировой войны. — Смерть сына Николая. — Война продолжается. — Нонсенс. — Новые тревоги. — Стадо без пастуха. — Автореволюция. — Лидеры. — Фараон. — Преследование офицеров. — «Бой роковой» — Императорская гвардия. — Отречение ..... 316

**Глава 7. 1917—1921.** Керенский, Милюков и К°. — Большевики. — Новая внутренняя политика. — Новые миллионеры. — Новые нищие. — Огнем и мечом. — Подчистую. — Настоящий террор. — Каждодневная жизнь. — Мое бегство. — В Финляндии. — Русские беженцы. — Военная деятельность моего сына. — В Германии. — Письма моей жены из Советской России. — Конец ..... 362

Комментарии ..... 422  
 Указатель имен ..... 496



## ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга не является ни биографией, ни коллекцией исторических фактов и анекдотов. Не претендует она и на систематическое изображение прошлого. Она состоит только из случайных воспоминаний, сохранившихся в моем сознании и изложенных в хронологическом порядке. Мой друг Т.Т. Кайла<sup>1</sup>, литературной интуиции которого я доверяю, предложил перевести их на финский язык, полагая, что они заинтересуют его соотечественников. Судить, насколько он прав, не берусь. Вполне допускаю, что некоторым воспоминания покажутся скучными, но кому-то они будут интересны. Как правило, читатель реагирует на то, что находит отклик у него в душе. В этих воспоминаниях не содержится никакого исторического урока. Они являются живым человеческим свидетельством и как таковые — интересны, поскольку отражают суть действительности, а не ее внешнюю сторону, как бывает с официальными документами, напоминающими сценические декорации. О себе я пытался говорить как можно меньше, но совсем избежать этот скучный предмет невозможно, так как невозможно совершенно скрыть существование своего собственного «я». Все мы знаем, что на самом деле являемся незначительными величинами, бесполезными атомами человечества. Самих же себя мы, разумеется, воспринимаем как начало начал жизни.

*Дрезден  
Октябрь 1921*



## ГЛАВА 1 1847—1864

Мой отец. — О крепостном праве. — «Незабвенный». — Рыцарь. — Царь и маленький мальчик. — Моя мать. — «Береги...» — Наша семья. — Большие и маленькие. — Мой дом. — Когда «большие» танцуют. — Миша. — Первый хмель. — В гостях у «деда». — Балаганы. — Гостиный двор. — «Шикарные у тебя сапожки». — В деревню на лето. — На даче. — Вожаки медведей. — Рекруты. — Большие и маленькие расходятся во взглядах. — Программа жизни. — Начало занятий. — Дежурства. — Моя единственная отрада. — Меня начинают воспитывать. — Петушинные бои. — Разлука с Зайкой. — Музыкальная интонация. — Один. — Отец и сын. — Возвращение в жизнь. — Значительная перемена. — «Прощай!» —  
В другой мир

### Мой отец

О роде нашем имеются данные, относящиеся еще к XII столетию, но происхождение его, корень неизвестен. Достоверно лишь, что он издавна засел в Швеции, где сыграл видную историческую роль<sup>1</sup>.

В конце XVII столетия один из моих предков, сын известного шведского маршала<sup>2</sup>, который совместно с французским маршалом Тюренном<sup>3</sup> положил конец Тридцатилетней войне<sup>4</sup>, переселился в Россию, принял русское подданство и поступил на службу к Петру. И так как одна из моих бабок — темнокожая дочь генерал-аншефа Петра Ганнибалова, сына «арапа Петра Великого» и прадеда Пушкина<sup>5</sup> — была православная, то и мы, ее потомки, были крещены в православной вере и совершенно обрусели.

Батюшка<sup>6</sup> мой, как и его отец, дед и прадед, был военный. Служил он в гвардии, но, хотя за высокий рост и ревность к службе пользовался особым покровительством Государя Николая Павловича, до высоких чинов не дошел. Сильно израненный в первую турецкую кампанию, он всего в чине подполковника вышел в отставку и занялся устройством своих имений.

Одаренный большим практическим умом, предприимчивый и энергичный, он привел свои имения в образцовый порядок. Но спокойное и монотонное занятие хозяйством его не удовлетворяло, и он вступил в торговые предприятия, участвовал в откупах, посылал корабли с хлебом за границу, завел прииски в Сибири, построил металлургический завод на Урале и начал быстро богатеть<sup>7</sup>. Выбранный в предводители дворянства Ямбургского уезда, он около двадцати с чем-то лет оставался на этом посту, распоряжаясь и властвуя в уезде чуть ли не самодержавно.

Обремененный делами, вечно в разъездах, он семейству мало уделял внимания, редко бывал дома, а когда бывал, то проводил в основном время в своей половине дома и выходил только к обеду. Властный, самолюбивый, вспыльчивый, невожатанный в проявлениях своих чувств, как и почти все его современники, он, хотя был добр и отзывчив, побуждал всех относиться к нему с опаскою, и его больше ценили и уважали, нежели любили. Сердце у него было прекрасное, но нрав был тяжелый, порою нестерпимый.

Своим великодушием отец гордился, но доброту принимал за слабость и, боясь ее обнаружить, тщательно скрывал под маской напускной суровости. Поэтому между ним и его детьми была по принципу возведена какая-то каменная преграда, которой никто из нас переступить не дерзал и не пытался. Ласки его, хотя, говорят, он нас искренне любил, мы никогда не видели, и даже словом он нас редко удоставивал. Проявление нежности в ту суровую эпоху не поощрялось, принято было являть внешнему миру суровость, даже жестокость, являвшиеся отличительной чертой власти. С нами, как, впрочем, и со всеми, которых он считал себе не равными: чиновниками, мелкими дворянами и крепостными, он обращался одинаково — безапелляционно, повелительно, спокойно, когда бывал в хорошем расположении духа, и резко, неприятно, когда вставал с левой ноги. В минуты благодушия любил пошутить, но шутки его скорее походили на насмеш-

ки, — и тогда его особенно опасались. Крайне самолюбивый, болезненно вспыльчивый, он при малейшем, даже воображаемом призраке неудовольствия или протеста сердился, терял самообладание, кричал, топал ногами и давал волю своим рукам. И все перед ним трепетало. Под таким владычеством жить было нелегко, иногда невыносимо, а между тем он желал добра, хотел видеть людей счастливыми и, что мог, конечно в пределах не нашего, а современного понимания, для этого делал. Для своей семьи он ничего не жалел, чужим щедро помогал, притесняемых властями защищал, пристраивал вдов и сирот и, когда это не удавалось, содержал на собственный счет. Крестьяне его жили богато, процветали, а дворовые были хорошо одеты, хорошо обуты и сыто накормлены...

Но попечения его о счастье рода людского имели объектом только физического человека. Как и большинство его современников, он смотрел на людей исключительно как на существа только телесные. О том, что у человека помимо его тела есть и душа, он не догадывался, а если и подозревал, то, вероятно, смотрел на это как на «дурь», на «блажь», на «фанаберию», как на что-то запретное и вредное, чему потакать не следует и с чем нужно бороться. Но вернее всего, что он над «такими пустяками» не задумывался. Помню, как он был удивлен, а потом от души хохотал, как будто услышал потешный анекдот, когда однажды старшая сестра<sup>8</sup>, которой не в пример другим, как заступающей место покойной матери, многое дозволялось, выждав удобную минуту, просила его разрешить одному из наших лакеев жениться не на «девке», ему в жены отцом предназначенной, а на другой, в которую он, по словам сестры, был влюблен. «Федька влюблен! Федька поэтическая натура!» — закатываясь от смеха, повторял отец. Это невероятное событие так ему пришлось по сердцу, благодаря его нелепости, что не только разрешение было дано, но Федька под венец был отправлен в карете самого отца с его личным камердинером вместо выездного. «Поэтам, — пояснил отец, — подобает достойная обстановка».

Другой случай подтверждает мое предположение.

Одна из камеристок после смерти моей матери была отцом подарена в память о матери моей тетке, ее сестре. Но сын этой горничной — десятилетний казачок Васька, которого отец жаловал за его смышленность, был оставлен у нас. Некоторое время спустя тетка, женщина чуткая и гуманная, что было более характерно для следующего

поколения, упросила отца взять дареную женщину обратно, мотивируя просьбу тем, что мать горюет о сыне. Отец призадумался. «Кто бы мог это подумать. Да, ты права; как-никак, а в сущности, тоже люди». И мальчика отдал матери.

Как предводитель дворянства отец оставил после себя добрую память среди всех слоев населения. Когда он умер, крестьяне окрестных деревень по своей собственной инициативе отслужили по нему заупокойную.

## О крепостном праве

О крепостном праве люди, не знавшие его, судят совершенно превратно, делая выводы не по совокупности, а из крайних явлений, дошедших до них, и именно оттого дошедших, что они были необычны. Злоупотребления, тиранства — все это, конечно, было, но совсем не в такой мере, как это принято представлять сегодня. Даже и тогда, во времена насилия и подавления самых элементарных человеческих прав, быть тираном считалось дурным и за злоупотребления закон наказывал. И если не всегда наказывал, то, по крайней мере, злоупотребления запрещал. Жизнь крепостных отнюдь не была сладкой, но и не была ужасной в той мере, как об этом принято писать сегодня. Ужасной она не являлась, впрочем, только потому, что в те темные времена народ своего положения не осознавал, воспринимая его как ниспосланную свыше судьбу, как некое неизбежное, а потому чуть ли не естественное состояние. Крепостной режим был ужасен не столько по своим эпизодическим явлениям, как по самому своему существу.

Я не оговорился, употребляя выражение «крепостной режим» вместо принятого «крепостное право». Последнее имеет в виду зависимость крестьян от своих владельцев. Но не только крестьяне были крепостными в то время — и вся Россия была в крепости. Дети у своих родителей, жены у своих мужей, мужья у своего начальства, слабые у сильных, а сильные у еще более сильных, чем они. Все, почти без исключения, перед кем-нибудь тряслись, от кого-нибудь зависели, хотя сами над кем-нибудь властвовали. Разница между крепостными крестьянами и барями была лишь в том, что одни жили в роскоши и неге, а другие — в загоне и бедноте. Но и те и другие были рабами, хотя

многие этого не сознавали. Я помню, как на одном званом обеде генерал, корпусный командир, бывший в первый раз в этом доме, приказал одному из гостей, независимому богатому помещику, которого он до этого никогда в глаза не видел, выйти из-за стола. Какое-то мнение, высказанное этим господином, генералу не понравилось. И этот независимый человек немедленно покорно подчинился<sup>9</sup>.

Крепостной режим развратил русское общество — и крестьянина, и помещика, — научив их преклоняться лишь перед грубой силой, презирать право и законность. Режим этот держался на страхе и грубом насилии. Оплеухи и затрещины были обыденным явлением и на улицах, и в домах... Розгами драли на конюшнях, в учебных заведениях, в казармах — везде. Кнутом и плетью били на торговых площадях, «через зеленую улицу», т.е. «шпицрутенами», палками «гоняли» на плацах и манежах. И ударов давалось до двенадцати тысяч. Палка стала при Николае Павловиче главным орудием русской культуры.

Я родился и вращался в кругу знатных, в кругу вершителей судеб народа, близко знал и крепостных. Я вскормлен грудью крепостной мамки, вырос на руках крепостной няни, заменившей мне умершую мать, с детства был окружен крепостной дворней, знаю и крепостной быт крестьян. Я видел и радости, и слезы, и угнетателей, и угнетаемых. И на всех, быть может и незаметно для них самих, крепостной режим наложил свою печать, извратил их душу. Довольных между ними было много, неискаленных — ни одного. Крепостной режим отравил и мое детство, чугунной плитой лег на мою душу. И даже теперь, более чем полстолетия спустя, я без ужаса о нем вспомнить не могу, не могу не поклониться ему и не испытывать к нему ненависти.

### «Незабвенный»

Недоброй памяти время Николая Павловича, время несокрушимого внешнего могущества и внутренней немощи (муштры и шагистики), насилия духа и отрицания души, время розог, палок, кнутов, плетей и шпицрутенов, дикого произвола, беззакония и казнокрадства, исчезло, не оставив за собой ни одного прочного следа, ни одного благого почина. И даже то мишурное внешнее могущество, перед которым трепетала в обман введенная Европа и которым так кичилась недаленовидная Россия, на проверку оказалось призраком, блефом и пухом.